

Судебно-психиатрический случай: убийство жены и поранение сына при *delirium tremens* ¹⁾.

Прив.-доц. В. И. Левчатинъ.

Случай, который я имѣю честь предложить вниманію Глубокоуважаемаго Общества, въ общемъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Крестьянинъ Ярославской губ. и уѣз., Троицкой вол. и села, нашъ испытуемый, въ 1911 году вышелъ изъ общиннаго владѣнія на хуторское положеніе; ему 39 лѣтъ, православный, грамотный; отца и матери въ живыхъ уже нѣтъ. Самъ онъ человѣкъ семейный: женатъ второй разъ вотъ уже 17 лѣтъ; отъ первой жены имѣетъ 18 лѣтняго сына, старшаго въ семьѣ, отъ второй, 45-ти лѣтней женщины, двухъ сыновей—одному 15 лѣтъ, другому 13. Къ половинѣ прошлаго 1912 года онъ уже почти закончилъ устройство своей усадьбы на хуторѣ. Испытуемый до 1908 года былъ на заработкахъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Онъ уже не одинъ годъ злоупотребляетъ алкоголемъ.

Въ ночь на 24-ое Іюля 1912 года въ его усадьбѣ случилось происшествіе такого рода. Испытуемый въ указанную ночь топоромъ, или по мѣстному выраженію колуномъ, нанесъ тяжкіе побои своей женѣ и легкіе младшему сыну. Въ 7 часовъ утра 24-го Іюля онъ явился къ мѣстному уряднику

¹⁾ Доложено въ засѣданіи Общества невралгоп. и психіатр. при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 15-го Мая 1913 года.

и заявилъ слѣдующее: „Замѣтивъ ранѣе, что старшій сынъ мой живетъ съ моей женой, т. е. прелюбодѣйничаетъ, замѣняя меня въ супружескомъ отношеніи съ ней, перодной матерью для него, съ которой я вступилъ во второй бракъ; около мѣсяца тому назадъ, заставъ моего сына съ моей женою, я ничего имъ не сдѣлалъ въ тотъ разъ, а только, выгналъ его изъ своего дома, почему онъ отправился въ гор. Ярославль. Но послѣднія двѣ ночи, т. е. ночь на 23-е и ночь на 24-ое, онъ изъ города Ярославля прибылъ и ночевалъ у меня на чердакѣ съ другими 4 человѣками, изъ которыхъ одинъ былъ крестьянинъ нашего села; они намѣревались сегодняшней ночью проникнуть въ мой домъ, въ которомъ находился я со своимъ семействомъ и грозили меня убить, отъ нихъ я оборонялся съ вечера до полуночи. Но жена моя и младшій сынъ стали говорить мнѣ, что на улицѣ никого изъ постороннихъ людей нѣтъ, тогда я, разгораясь, свою жену ударилъ нѣсколько разъ колуномъ, не помню гдѣ, нанесъ ей побои и лишивъ ее чувствъ, какъ равно и сына, нанесъ ему нѣсколько ударовъ, тоже лишивъ чувствъ; испугавшись, убѣждалъ заявить объ этомъ рядомъ живущему сосѣду, не зная будутъ ли живы или уже померли моя жена и сынъ. Ранѣе умысла къ убійству своей жены и сына я не имѣлъ и болѣе показать и добавить я ничего не могу.“—

Испытуемый былъ взятъ подъ стражу, а потерпѣвшая его жена была отправлена въ Губернскую Земскую Больницу. При врачебномъ изслѣдованіи у нея найдено 2 раны въ области лба надъ тѣмъ и другимъ глазомъ и 1 рана въ области переносья. Глубина этихъ ранъ, а также цѣлость костей въ области этихъ ранъ не были изслѣдованы въ виду безсознательнаго тяжелаго состоянія больной. Волосы головы, углы рта, лицо покрыты запекшейся кровью. На раны наложена повязка. Въ виду полного безсознательнаго состоянія, больная, не сказала ни слова. Утромъ больная точно также находится въ безсознательномъ состояніи и отвѣчать на предлагаемые вопросы не можетъ. 26-го Іюля умерла отъ безусловно смертельнаго поврежденія черепа. Младшій сынъ отъ полученныхъ на лбу, плечѣ и спинѣ ушибовъ впоследствии совершенно оправился.

На допросѣ у Судебнаго Слѣдователя испытуемый къ своему прежнему показанію добавилъ: „24-го вечеромъ къ

хутору, стоящему одиноко въ лѣсу, къ самой двери подошло пять человѣкъ неизвѣстныхъ людей; постучавшись въ дверь, они подошли къ окнамъ, а затѣмъ залѣзли на потолокъ дома съ цѣлью чрезъ отверстіе въ потолокъ проникнуть въ домъ. Я, говоритъ испытуемый, взялъ косу и сталъ махать возлѣ потолочнаго отверстія, чѣмъ и помѣшалъ этимъ мужчинамъ влѣзть въ домъ. Махалъ я лѣвой рукой; въ правой же рукѣ я держалъ колуны; предполагая, что эти люди пришли убить меня по приглашенію моей жены, измѣнявшей мнѣ, я въ сердцахъ ударилъ свою жену нѣсколько разъ колуномъ при чемъ въ первый разъ попалъ по головѣ, а потомъ не знаю по какимъ мѣстамъ. Когда я отмахивался отъ лѣзшихъ черезъ потолочное отверстіе людей, жена лежала какъ разъ около меня на полу, — впрочемъ не лежала, а стояла и уговаривала меня бросить косу, такъ какъ никого на потолокъ нѣтъ. Вотъ тутъ-то я и ударилъ свою жену колуномъ; младшій сынъ мой также всталъ возлѣ и тоже уговаривалъ меня не махать ко-сой, говоря, что никого нѣтъ; ударилъ я колуномъ и сына, но сколько разъ не помню. Жену свою я часто заставлялъ съ ея пасынкомъ — моимъ старшимъ роднымъ сыномъ. Онъ былъ съ нею въ связи. О томъ, что жена моя находилась въ связи съ моимъ сыномъ, я никому не говорилъ, и свидѣтелей этому нѣтъ. Никто не видѣлъ, какъ въ мой домъ пытались войти пять человѣкъ мужчинъ. Были ли въ дѣйствительности у моего дома тѣ пять человѣкъ, про которыхъ я говорилъ Вамъ, влѣзали ли они на потолокъ въ моемъ домѣ, я сказать не могу; дѣло въ томъ, что я пьянствовалъ ежедневно цѣлыхъ двѣ недѣли или полторы до несчастнаго дня; въ этотъ день мнѣ казалось, что изъ-подъ пола высовываются какіе-то ножи, кинжалы, такъ что я даже боялся по полу ходить; я, какъ видно, допился до того, что мнѣ стало казаться то, чего въ дѣйствительности не существовало. Грозить женѣ убійствомъ я раньше дѣйствительно грозилъ; это имѣло мѣсто, когда я заставлялъ ее съ моимъ старшимъ сыномъ. Но въ ночь на 24-ое Іюля сего года, нанося женѣ и сыну удары колуномъ, я не думалъ убивать ихъ: это совершилось совершенно случайно“.

Сыновья испытуемаго: старшій, который во время происшествія жилъ въ г. Ярославлѣ на заработкахъ, такъ какъ уже около мѣсяца былъ выгнанъ отцемъ изъ дома по подоз-

рѣнію въ прелюбодѣяніи съ мачихой, и младшій-между прочимъ указываютъ, что отецъ ихъ „всю жизнь сильно упивался виномъ“; раньше онъ служилъ въ Москвѣ, но домой присылалъ очень мало денегъ: норовилъ пріѣзжать послѣ сѣнокоса, жилъ дома мѣсяца два, продавалъ сѣно и деньги пропивалъ; теперь сталъ заниматься дома печнымъ дѣломъ. Напившись пьянымъ, буянилъ и нерѣдко даже билъ мать, грозилъ даже убить ее и сжечь хуторъ. Въ 1910 г. онъ далъ священнику зарокъ не пить, крѣпился до конца Іюля 1911 года, а затѣмъ сталъ пить еще больше, чѣмъ пилъ до зарoka. Какъ раньше такъ и въ послѣднее время, отецъ допивался до того, что ему казалось, что въ печуркахъ русской печи сидитъ масса людей, и онъ колотилъ по этимъ печуркамъ кулаками. Раньше отцу мерещилась всякая всячина только, когда онъ былъ пьянъ. Впрочемъ съ мѣсяцъ тому назадъ отецъ, сидя трезвый на печи, вдругъ закричалъ что то матери, что ругаетъ она его и обвиняетъ въ кражѣ 5 рублей. А между тѣмъ это ему безусловно показалось, такъ какъ матери въ это время не было въ избѣ, и голоса ея слышно не было; да она его и не ругала и въ кражѣ 5 рублей не обвиняла. Онъ все изъ дома продавалъ и пропивалъ, такъ что весною 1912 года по ходатайству матери онъ былъ волостнымъ Судомъ отрѣшенъ отъ хозяйства на хуторѣ.

О самыхъ обстоятельствахъ происшествія младшій сынъ, какъ непосредственный очевидецъ, передаетъ такъ. „Вчерашній день, т. е. 23-го іюля, отецъ мой водки не пилъ: находясь на хуторѣ, собирался покрыть сарай; не знаю я для какой цѣли, погрозился на кого то въ лѣсъ и сказалъ мнѣ, что вонъ пришелъ изъ города Ярославля его старшій сынъ, а мой братъ, съ партіей и хочетъ его убить. Я же въ это время около хутора не видалъ никого и разговора никакого не слышалъ, почему и полагаю, что все это онъ говорилъ не правду, а ложь, такъ какъ братъ мой въ настоящее время живетъ въ Ярославлѣ, домой не возвращался, зла никакого въ своему отцу не имѣлъ“.

„Въ ночь на 24-ое іюля, когда стали ложиться спать, отецъ, волнуясь, сталъ втаскивать въ домъ со двора косы, кой какія вещи, колунъ, и говоря, что пришелъ сынъ его, названный выше, съ партіей людей и хочетъ его побить, заперъ изнутри домовую дверь, привязавъ ее веревкою за скобу

23588-38
въ двери и за гвоздь въ косякъ. Послѣ этого я легъ спать, а проснувшись въ самую полночь, т. е. около 12 часовъ ночи, я тоже увидалъ, что отецъ мой опять стоитъ у двери и, держа топоръ и колунъ въ рукахъ, кому то въ дверь угрожалъ ими, ругаясь площадной бранью, въ это время онъ былъ въ трезвомъ видѣ; а когда мать моя лежавшая на полу въ домѣ, стала говорить ему, что зачѣмъ онъ понапрасну кричитъ и никому спать не даетъ, тогда онъ взялъ въ руки косу и ударилъ деревянной ручкой косы (пяткой) и сшибъ съ ногъ къ этому времени вставшую съ постели мою мать, говоря „если ты ничего не видишь, такъ и не говори“, взявъ колунъ въ руки, онъ нанесъ имъ ей удара три или четыре по головѣ, отчего у нея потекла кровь; я испугавшись и сказавъ, что побѣгу въ деревню и всѣмъ расскажу объ этомъ, хотѣлъ было бѣжать въ названную деревню, но въ это время отецъ поймалъ меня и ударилъ меня тѣмъ же колуномъ, обухомъ, три раза, нанесъ раны въ лобъ, побои въ лѣвое плечо и побои въ спину—легкіе. Послѣ чего я спрятался подъ лавку, закрывшись подушкой, но отецъ продолжалъ бить меня черезъ подушку. Я все время не кричалъ,—молчалъ. Слышалъ, что отецъ, услышавъ стонъ матери, подшедши къ ней со словами: „а ты еще жива“, нанесъ ей еще нѣсколько ударовъ; послѣ чего, разбивъ стекло въ рамѣ, убѣжалъ. Въ это же окно убѣжалъ и я, оставивъ свою мать лежащей на полу и истекающей кровью“.

Въ часъ ночи, по показаніямъ сосѣда по хутору, испытанный явился къ нему въ весьма возбужденномъ состояніи, на видъ какъ бы сумасшедшимъ, но въ трезвомъ видѣ, съ окровавленными руками и рубашкою, держащимъ подъ рукою свои валеные сапоги, и сказалъ, что у него на хуторѣ разбойники—хотятъ его убить и сейчасъ ждуть на хуторѣ: его старшій сынъ съ однопороденцемъ и еще какихъ то двое, которыхъ онъ не видалъ; они въ домъ не входили. Онъ убилъ свою жену и младшаго сына за то, что жена скрывала ихъ всѣхъ у себя въ домѣ около трехъ сутокъ; звалъ свидѣтеля на свой хуторъ, посмотреть и задержать людей.

Что касается однопороденца, который, по словамъ испытываемаго, участвовалъ вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ и другими, желавшими убить испытываемаго, то онъ оказался ночнымъ сторожемъ въ селѣ: его алибі установлено слѣдствіемъ—онъ

былъ въ эту ночь на своемъ посту, никакихъ людей онъ не видалъ, какъ одинаково и старшаго сына испытуемаго.

Въ послѣдующемъ судебной властью былъ приглашенъ врачъ экспертъ, который далъ заключеніе, что во время изслѣдованія испытуемый не обнаруживаетъ разстройства психическихъ способностей. Что же касается до состоянія его умственныхъ способностей въ моментъ убійства имъ своей жены, то весьма сомнительно, чтобы онъ тогда находился въ состояніи умоизступленія или полного безпамятства, а равно состояніи разстройства умственныхъ способностей, такъ какъ испытуемый помнитъ обстоятельства убійства жены, а на счетъ видѣній гонящихся за нимъ людей даетъ сбивчивыя показанія.

Тѣмъ не менѣе испытуемый былъ направленъ въ Казанскую Окружную Лечебницу, куда и поступилъ 19-го ноября 1912 года.

Такимъ образомъ, рассматривая данныя судебного дѣла и показанія самого испытуемаго въ связи съ заключеніемъ эксперта, приходится имѣть въ виду, съ одной стороны, давнишнее злоупотребленіе испытуемаго алкоголемъ, а съ другой—указаніе, что испытуемый какъ раньше, такъ и въ послѣднее время, допивался до того, что ему казалось, напр., въ печуркахъ печи—масса людей; съ мѣсяцъ до преступленія кричалъ на жену, ругая и обвиняя ее въ кражѣ 5 рублей, когда ея и не было въ избѣ; а также, принимая во вниманіе поведеніе испытуемаго во время совершенія имъ преступленія, когда онъ защищался отъ враговъ, намѣревавшихся его убить, приходится, несмотря на заключеніе, данное врачомъ экспертомъ, устанавливать у испытуемаго наличность обмановъ органовъ чувствъ на почвѣ, конечно, алкогольной и въ формѣ какого-то длительного измѣненія душевной дѣятельности, измѣненія, наступившаго много ранѣе совершеннаго преступленія. Но почему-то, по даннымъ слѣдственнаго дѣла, это измѣненіе какъ бы прервалось на другой день послѣ преступленія: въ свидѣтельскихъ показаніяхъ пестритъ упоминаніе о трезвомъ состояніи испытуемаго въ день преступленія, самъ испытуемый вслѣдъ за преступленіемъ на другой день подробно все помнитъ, обо всемъ рассказываетъ; экспертъ находитъ испытуемаго душевно-здоровымъ и во время изслѣдованія и во время совершенія пре-

ступленія, въ виду сбивчиваго показанія испытуемаго на счетъ видѣній гонящихся за нимъ людей; тѣмъ болѣе, что и самыя даты слѣдственнаго дѣла относительно бывавшихъ у испытуемаго обмановъ органовъ чувствъ не разграничены въ своей послѣдовательности и продолжительности теченія.

Однако, картина психическаго состоянія испытуемаго во время совершенія имъ преступленія, по изслѣдованіи и наблюденіи въ Лечебницѣ, оказывается не только довольно рельефной по своему клиническому проявленію, но и не менѣе интересной по тѣмъ переживаніямъ, которыя испытывалъ онъ въ то время, и которыя онъ такъ подробно излагаетъ.

Какъ было указано, испытуемый поступилъ въ Лечебницу 19 ноября 1912 года.

При психо-физическомъ изслѣдованіи испытуемаго отмѣчается слѣдующее.

Испытуемый роста 161 сант., вѣсъ тѣла 160—162 ф.; въ послѣднее время отмѣчается нѣкоторая убыль въ вѣсѣ (на 4 ф.). Онъ средняго тѣлосложенія съ правильно и удовлетворительно развитой костной и мышечной системой; питаніе тѣла достаточное, подкожный жиръ отложенъ въ умѣренной степени; кожа довольно чиста, видимыя слизистыя оболочки достаточно окрашены; подъ нижней челюстью, на кожѣ, по *garhe*, линейный, въ 3 ст, малоподвижный рубецъ (была операція въ Петербургѣ), лимфатическія желѣзы шеи и паховыя не прощупываются. Размѣры черепа таковы: горизонтальная окружность 55 ст, кривая отъ *glabella* до *protuberant. occipit. ext.* 31 ст, кривая между наружными слуховыми проходами черезъ темя 33 ст; продольный діаметръ черепа 18,5 ст, наибольшій поперечный 15 ст, правый и лѣвый косые по 17 ст; типъ черепа *Subbrachicephal.*; затылочная кость надъ затылочнымъ бугромъ нѣсколько уплощена. Волосы на головѣ довольно густы. На лицѣ—лѣвая носогубная складка нѣсколько сглажена, соотвѣтственный уголь рта немного опущенъ; при показываніи зубовъ правая носогубная складка отмѣчается рѣзче, лѣвая щека при надуваніи нѣсколько болѣе выстоитъ, чѣмъ правая. Постановка глазъ правильная: видимыхъ пороковъ развитія въ нихъ не отмѣчается. Ушныя раковины равномѣрны, сравнительно малы, правая ушная сережка менѣе отграничена. Твердое небо съ замѣтнымъ валикомъ по срединѣ. Зубы стоятъ правильно, нѣкоторые карі-

озны, нѣкоторыхъ изъ коренныхъ нѣтъ. Тоны сердца чисты, аритміи не обнаруживается; пульсъ 90 уд. въ минуту, средняго наполненія; артеріосклероза не замѣтно. Въ остальныхъ органахъ груди и живота, а также мочеполовыхъ, и при изслѣдованіи мочи, ничего особеннаго не отмѣчается. Движенія глазъ и лицевыхъ мышцъ сохранены; языкъ высавывается легко, отклоненій въ сторону или дрожаній не замѣтно. Движенія мягкаго неба, головы, верхнихъ и нижнихъ конечностей, а также туловища, не нарушены. Сила правой руки 110, лѣвой 90 Kgm (по верхнему дѣленію). Пассивная подвижность мышцъ и мышечный тонусъ безъ измѣненій. Симптома Romberg'a—нѣтъ, походка не разстроена, координація движеній сохранена. Рѣчь и почеркъ—ничего особеннаго. При давленіи по ходу нервныхъ стволовъ и мышцъ болѣзненности не отмѣчается, лишь въ поясничной области, слѣва, испытуемый ощущаетъ боль при давленіи подъ послѣднимъ ребромъ (раньше, 2 года назадъ, сильно болѣла поясница). Кожная чувствительность, а также мышечное чувство, всѣхъ родовъ, повсюду безъ измѣненій. Слухъ сохраненъ; обонятельныя и вкусовыя вещества испытуемый различаетъ правильно.

Со стороны зрѣнія, по заключенію спеціалиста, у испытуемаго найдено: реакція зрачковъ на свѣтъ и аккомодацию правильна. Острота зрѣнія въ правомъ глазу повышена (ос, dextr.— $\frac{20}{cc}$ —ос. sinis.— $\frac{20}{xx}$) при гиперметропической рефракціи (ff 4,25). Цвѣтоощущеніе правильно. Отмѣчается суженіе поля зрѣнія въ томъ и другомъ глазу на бѣлый цвѣтъ, концентрическаго характера, и частично на синій цвѣтъ, а въ лѣвомъ глазу, тоже частично, и на красный. Глазное дно безъ измѣненій.

Кожные рефлексъ съ покрововъ живота, на cremaster и подошвенные сохранены и равномѣрны; какъ одинаково рефлексъ со слизистой носа и вѣкъ; глоточный же рефлексъ выраженъ слабо. Сухожильные рефлексъ верхнихъ и нижнихъ конечностей живы и равномѣрны; стопнаго феномена нѣтъ. Разстройство иннерваціи тазовыхъ органовъ не отмѣчается.

Такимъ образомъ съ физической стороны у испытуемаго приходится имѣть ввиду: нѣкоторое ослабленіе иннерваціи лицевыхъ мышцъ въ области лѣваго n. facial., пониженіе

глоточнаго рефлекса, суженіе поля зрѣнія и болѣзненность при давленіи въ области поясицы подѣ послѣднимъ ребромъ слѣва.

Что касается данныхъ психическаго состоянія испытуемаго по отношенію къ обстоятельствамъ совершеннаго имъ преступленія и тѣмъ или другимъ условіямъ предшествовавшаго и прежняго времени, то здѣсь мы имѣемъ слѣдующее.

По словамъ испытуемаго, которому теперь, какъ указано было выше, 39 л., отецъ его умеръ давно, хотя и не въ престарѣломъ возрастѣ (43-хъ лѣтъ): испытуемый отца чуть помнитъ. Мать ему говорила, что отецъ умеръ отъ простуды, что въ молодыхъ годахъ онъ пилъ „шибко“, а потомъ бросилъ. Сама же мать испытуемаго умерла 18 лѣтъ тому назадъ въ возрастѣ около 55 л.—страдала сильно „удушьемъ“, алкоголя совсѣмъ не употребляла. Какихъ-либо первнхъ или душевныхъ заболѣваній у родителей не замѣчалось, лишь братъ отца былъ слабоумнымъ отъ рожденія. Испытуемый имѣетъ одну замуженную сестру 45 лѣтъ, которая здорова и раньше ничѣмъ не хворала; была выдана замужъ еще матерью. Когда испытуемому было лѣтъ 8, онъ зимой какъ то попалъ подѣ сани, и лошадь копытомъ ударила его по головѣ—былъ долго безъ памяти, но впослѣдствіи знаковъ никакихъ не осталось. У 27 лѣтняго—былъ нарывъ подѣ языкомъ и нижней челюстью; дѣлали операцію въ Петербургѣ, гдѣ въ больницѣ пролежалъ около 2 мѣсяцевъ: на мѣстѣ операціи, на кожѣ, имѣется вышеупомянутый прямолинейный малоподвижный рубецъ. Будучи 30 л., испытуемый упалъ съ шарабана на мостовую, ушибъ правое колѣно, тоже пролежалъ въ больницѣ въ Петербургѣ два мѣсяца. Лѣтъ 7 тому назадъ, зимой на масляницѣ, въ Москвѣ, испытуемый ѣздилъ въ гости, былъ пьянъ и поморозилъ ноги—лежалъ въ больницѣ пять сутокъ. Два года тому назадъ у него боѣла спина: не могъ работать мѣсяца два. Другихъ болѣзней не было. Испытуемый передаетъ, что послѣ смерти отца въ домѣ остались онъ, испытуемый, и сестра при матери. Мать была степенная женщина; послѣ отца осталось порядочное по крестьянскому обиходу состояніе—свой домъ и пр. Жили въ деревнѣ. Онъ учился въ школѣ, но курса не кончилъ, такъ какъ была, нужда въ работникѣ по домашности, и онъ, какъ подростокъ, постепенно принялся за крестьянскую работу. 19-ти лѣтъ

испытанный женился, водки не пилъ. Черезъ годъ послѣ женитьбы умерла мать. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея смерти онъ уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ работникомъ въ квасное заведеніе (въ деревнѣ было принято уходить на заработки въ Москву и Петербургъ). Но уже черезъ два мѣсяца, получивъ извѣстіе о смерти жены, онъ возвратился въ деревню. Отъ жены осталось двое дѣтей; испытанный снова началъ заниматься крестьянствомъ; черезъ 1/2 года умираетъ одинъ изъ малютокъ. Въ виду того, что испытанному было трудно справиться съ хозяйствомъ, онъ снова женился, а черезъ годъ опять ушелъ въ Петербургъ на заработки. Въ Петербургѣ служилъ лѣтъ 8 по разнымъ хозяевамъ, время отъ времени ѣздилъ и домой. Изъ Петербурга переѣхалъ въ Москву и поступилъ наѣздникомъ на рысистыхъ бѣгахъ, служилъ на скачкахъ и другихъ мѣстахъ въ качествѣ ѣздока, получая довольно порядочное содержаніе; временами бывалъ также и дома въ деревнѣ. Какъ въ Петербургѣ, такъ и особенно въ Москвѣ, говорить испытанный, онъ все больше и больше началъ выпивать; не стали держать на мѣстахъ: часто все съ себя пропивалъ, хотя „въ обоихъ столичныхъ городахъ былъ только по одному разу въ полиціи за пьянство“—не безъ нѣкоторой гордости добавляетъ испытанный. Такъ что, наконецъ, въ 1908 г. пришлось уѣхать совсѣмъ въ деревню. Съ семьей, по его словамъ, онъ жилъ хорошо, но и дома продолжалъ выпивать: работалъ „тоже все больше съ водкой“—уже по печному дѣлу, заработокъ былъ хорошій, тѣмъ болѣе, что старшій сынъ (отъ первой жены) былъ подручнымъ: „Когда пьешь—ничего, и сонъ есть, но ѣмъ мало; какъ только брошу, а бросалъ всегда сразу, сейчасъ же начинается появляться бессонница, трясеніе—какъ въ лихорадкѣ, тоска; скорѣй за работу: намахешься до поту, оно и пройдетъ; на работѣ лучше, а если лежать—хуже“.

Въ 1911 году испытанный вышелъ изъ общиннаго владѣнія на хуторское хозяйство; отъ земства общали лѣсу, пособіе деньгами на посѣвъ и пр., но ничего не дали. Испытанный продалъ свой домишко и еще хуже сталъ пьянствовать. Правда, на отведенномъ ему хуторѣ онъ нѣсколько пообстроился: была изба, сарай, оставались кое-какія въ нихъ подѣлки, какъ сѣни, крыша на сараѣ; такъ что въ половинѣ Іюня 1912 года испытанный вмѣстѣ съ семьей переѣхалъ

жить на хуторъ. Въ семьѣ были жена, старшій и младшій сыновья: средній сынъ на хуторѣ не жилъ—онъ служилъ „мальчикомъ“ въ Москвѣ.

Несбывшіяся надежды на матеріальное благосостояніе при новомъ хозяйствѣ сильно его возновали, онъ „находилъ успокоеніе лишь въ винѣ, напиваясь до потери сознанія“. Въ началѣ марта мѣсяца 1912 года послѣ злоупотребленія алкоголемъ, продолжавшагося не малое время, испытуемый бросилъ пить—не пилъ сутки, у него сразу появилась бессонница, сильное трясеніе въ рукахъ, не могъ подвести ложки ко рту, не могъ держать блюдечка съ чаемъ, не расплескавъ. На другой день, лежа на лежанкѣ русской печки и, мечтая о хозяйствѣ, онъ вдругъ видитъ какихъ то чудовищъ, которыя высовываютъ изъ отверстій печки, сдѣланныхъ для сушки зимней обуви, свои огромныя головы и намѣреваются его ударить. Соскочивъ съ лежанки, онъ сталъ защищаться отъ этихъ чудовищъ, избивъ себя руки до крови о края печки. Жена стала уговаривать, что ничего нѣтъ, и дала полчашки водки. Онъ еще пропьянствовалъ 2—3 дня, прежде чѣмъ принялся за свое хозяйство. „Померещилось только одинъ разъ—больше не было“.

Въ началѣ мая, также послѣ изряднаго предшествовавшего употребленія алкоголя, когда тоже настала бессонница, „трясеніе“, онъ среди ночи, посмотрѣвъ на свою жену и спавшихъ съ нею старшаго и младшаго сына, услыхалъ, что будто бы они между собою тихо переговариваются; онъ сначала не могъ понять въ чемъ дѣло, но потомъ „по ихъ общему дыханію ему показалось, что они занимались половыми сношеніями“. Онъ всталъ съ постели, взялъ гозжи, которыя висѣли здѣсь же, и началъ ихъ бить возжами; тѣ стали плакать, уговаривать его, упрекать, что онъ допилъ до сумасшествія. Испытуемый заложилъ лошадь и уѣхалъ пьянствовать; пьянствовалъ не болѣе недѣли, послѣ чего принялся за работу. И тутъ, сейчасъ указанное, какъ называется испытуемый „скверное дѣло—привидѣлось ему только одинъ разъ“.

Повторилось это и въ концѣ мая, когда онъ снова началъ пить. Бросилъ—снова трясеніе, тоска. Семья легла спать на полу; онъ, жена, рядомъ съ ней старшій сынъ, а рядомъ съ послѣднимъ младшій. Сна не было, испытуемый снова слышитъ, что жена со старшимъ сыномъ опять шеп-

чутся: „спить онъ, или нѣтъ“, и ему кажется, что жена и сынъ занимаются половыми сношеніями. Онъ вскакиваетъ, озирается и видитъ, что сынъ отодвигается отъ матери. На разспросы и успокоеніе со стороны жены и сына онъ ничего не отвѣтилъ, но по утру сталъ имъ выговаривать по этому поводу. Дѣло кончилось ссорой, и сынъ въ этотъ же день собрался и отправился въ городъ Ярославль. Жена пошла теребить мохъ для стройки, а испытуемый легъ уснуть, но сна всетаки не было; слышалось, что какъ будто жена плачетъ. Испытуемый спросилъ объ этомъ младшаго сына, на что получилъ отвѣтъ, что матери нѣтъ,—она на работѣ. Онъ вышелъ изъ избы и явственно слышитъ ея плачъ на задворкахъ; пошелъ туда, сталъ слышать плачъ въ переулкѣ, но плакавшей жены нигдѣ не могъ найти. Слышалось, что она плачетъ, то въ кустахъ, то въ крапивѣ, онъ вездѣ искалъ, но нигдѣ не находилъ. Испытуемый отправился въ чайную, но чаю не пилъ, хотѣлъ ѣхать къ доктору, но послѣдняго не оказалось дома. Въ чайной ему поднесли водки, и онъ поуспокоился. Чувствовалъ себя еще день—два нехорошо, но всетаки принялся за работу.—Кромѣ сейчасъ описаннаго, и на этотъ разъ ему больше ничего „не слышалось“. Хозяйственные дѣла по устройству усадьбы стали подвигаться впередъ.

Въ половинѣ іюня испытуемый съ семействомъ уже перѣхалъ на свой хуторъ. Цѣлый мѣсяцъ шло по хорошему—въ трудѣ, въ заботахъ по хозяйству, но съ половины іюля испытуемый снова сталъ злоупотреблять алкоголемъ, а тутъ какъ разъ 20 іюля пришлось поѣхать въ гости по случаю престольнаго праздника. На другой день т. е. 21-го іюля, какъ заявляетъ испытуемый, его привезли на хуторъ „крайне пьянымъ, что называется въ безсознательномъ положеніи“. 22 іюля онъ, выпивши 1/2 чашки водки, далъ себѣ слово не пить, пока не кончатся полевая работы; но въ этотъ день за работу приняться всетаки не могъ: его мучила тоска, руки тряслись и была бессонница.

Въ ночь съ 22-го на 23-е іюля, когда легли спать въ избѣ, испытуемый черезъ нѣкоторое время сталъ ясно слышать, что надъ потолкомъ, на подволкѣ, кто то между собою перешептываются; онъ хотѣлъ удостовѣриться въ этомъ, но на него напалъ страхъ. Всетаки онъ рѣшилъ встать; разбу-

диль домашнихъ, поставилъ самоваръ тутъ же въ избѣ, нагрѣвая его вмѣсто углей, которыхъ у него не было, нарубленными изъ дерева шашками. Сдѣлавъ онъ это съ цѣлью, дабы въ избѣ накопилось побольше дыму, который свободно могъ пройти на подволку черезъ щели неплотно сколоченнаго потолка. Онъ ясно слышалъ слова, сопровождаемая площадной бранью: „отсюда надо уходить, потому что здѣсь задохнешься“. Испытуемый провелъ бессонную ночь, на утро 23-го іюля принялся за домашнюю работу около дома; ему снова послышался на чердакѣ шопотъ; самъ онъ побоялся влѣзть туда, чтобы посмотреть, кто тамъ, а послалъ мальчика, который ничего и никого однако тамъ не нашелъ. За завтракомъ жена предложила ему выпить водки, но испытуемый отклонилъ это предложеніе, чтобы снова, благодаря этому, не начать пьянствовать. По окончаніи завтрака всѣ пошли на работу: и испытуемый сталъ крыть сарай. По обыкновенію онъ закурилъ трубку, и въ это время ему послышался ясно доносившійся до него разговоръ изъ-за кустовъ: „проси у него табаку покурить“. Испытуемый погрозился, и на вопросъ младшаго сына, кому онъ грозитъ, отвѣтилъ, что вонъ изъ города Ярославля пришелъ его старшій сынъ съ партіей и хочетъ его убить. Работавшая по близости жена тоже спрашивала испытуемаго, чего онъ такъ пристально смотритъ, на что онъ отвѣтилъ: „просто такъ задумался“. Вечеромъ, закончивъ работу крыши и пославъ жену за водой на родникъ, находившійся приблизительно въ ста саженьяхъ отъ хутора, онъ еще оставался на крышѣ сарая.

Постараюсь дальше излагать по возможности словами самого испытуемаго.

„Вдругъ мнѣ показалось, что кустами какіе то неизвестные мнѣ люди направляются къ роднику, я соскакиваю съ сарая съ топоромъ въ рукахъ по направленію только — что видѣнныхъ мною людей, бѣгу и кричу, но послѣдніе скрылись въ отдаленномъ лѣсу; тогда я вернулся обратно домой, идетъ жена и спрашиваетъ: „на кого ты здѣсь кричалъ“?. Я объяснилъ, что навѣрное ты знаешь, старшій сынъ мой здѣсь, но ты не говоришь; она отвѣтила: „если бы я знала, что онъ здѣсь, развѣ я не сказала бы тебѣ“?. Поужинали, попили чаю, я вышелъ на крыльцо, закурилъ трубку; мнѣ послышался въ кустахъ разговоръ — ясно говорили одинъ другому:

„иди, бери его“, а другой ему отвѣчаетъ, что вонъ у него у стѣны стоитъ 6 косъ, онъ можетъ наброситься и перерѣзать. Изъ боязни какъ бы не украли у меня эти косы, я взялъ ихъ въ охапку и свесъ прямо въ избу, такъ какъ сѣней у меня еще не было. На вопросъ жены, для чего принесъ косы въ избу, я отвѣтилъ, что тамъ въ кустахъ разговариваютъ какіе то люди, которые могутъ унести ихъ. Заперевъ дверь избы на крючекъ, я веду разговоръ съ женой о томъ, что вѣроятно пришелъ сынъ, который что нибудь хочетъ сдѣлать со мной, поэтому не лучше ли мнѣ уйти ночевать въ деревню. На это жена не согласилась: страшно ночевать однимъ на хуторѣ. Спустя часъ или полтора мнѣ послышались сзади построекъ крики, относящіеся ко мнѣ съ выраженіемъ площадной брани; заставляю жену слушать, какъ тамъ ругаются и кричатъ; она же эти крики отрицала. Я схватилъ въ руки топоръ, который находился тутъ же въ избѣ, а женѣ приказалъ зажечь лампу, но такъ какъ въ лампѣ не оказалось керосину, то вмѣсто нея зажгли лампаду,—слышу, что крики приближаются къ двери; мнѣ ясно слышится, что люди берутся за дверную скобу и начинаютъ теревить ее. Тогда я даю другой топоръ женѣ, чтобы она стала къ окну, и какъ только полѣзутъ, рубила бы, а самъ вставъ къ двери и боясь, что подъ сильнымъ напоромъ крючекъ можетъ не выдержать, для безопасности взялъ бородакъ и вбилъ его въ дверной косякъ, затѣмъ связалъ веревкой скобу и бородакъ, чтобы нельзя было отворить дверь. Покончивъ съ дверью, я обернулся къ женѣ и увидѣлъ, что топоръ, данный ей для обороны, поставленъ къ перегородкѣ: „что я буду стоять съ топоромъ, когда тутъ никого и ничего нѣтъ“, заявила жена; однако мнѣ показалось, что въ притворъ двери просунутъ кинжалъ, и рѣжутъ, имъ веревку. Завидя кинжалъ, я тотчасъ со всего размаху ударяю топоромъ по кинжалу, но кинжалъ вѣмъ-то быстро выдергивается, затѣмъ опять показывается, я снова ударяю, онъ снова быстро убирается; и такъ нѣсколько разъ; думаю, что веревка моя не устоитъ, такъ какъ ее перерѣжутъ кинжаломъ; тутъ мнѣ попадаетъ подъ руку желѣзный совокъ; я его разрываю на двѣ половины и обертываю веревку для лучшей прочности, но кинжалъ все продолжаетъ рѣзать. Вдругъ я почувствовалъ, что сквозъ полъ въ пятки моихъ ногъ начинаютъ колоть кинжаломъ; мнѣ

нельзя стоять: я вышелъ изъ терпѣнія придвинулъ къ двери сундукъ и всталъ на него, но и на сундукъ меня начали прокалывать кинжаломъ; тогда я беру со стѣны поперечную пилу и подкладываю подъ ноги, но и пила не помогаетъ: кругомъ концевъ пилы какъ-то ухитряются всетаки кольнуть меня кинжаломъ въ пятки. Что дѣлать? Закричалъ женѣ, чтобы дала мнѣ сковороды; когда были поданы сковороды, я поставилъ ихъ на пилу, и самъ всталъ ногами въ сковороды. Смотрю около лежанки открываютъ половую доску, подбѣгаю къ лежанкѣ, ударяю топоромъ по показавшемуся въ отверстіе кинжалу и показываю сыву отшибленный конецъ кинжала. Въ это время кинжалъ опять показывается сквозь полъ, и прямо мнѣ въ ноги, я подвигаю столъ и становлюсь на него, начинаю ударять по отверстію, гдѣ оказалась оторванная доска; въ этотъ моментъ мнѣ послышался стукъ топора по направленію къ двери, вижу—вырубаютъ дверь; я кричалъ имъ, что дверь Вамъ не вырубить, потому что маклаки длинные, а самъ бросился къ окну и ударилъ кулакомъ по рамѣ; отъ сильнаго удара стекла въ рамѣ всѣ вылетѣли, но рама осталась на мѣсѣ. Послышался крикъ: „бѣгите къ окну, онъ высочилъ изъ окна“. Только-что хотѣлъ нанести второй ударъ по рамѣ, какъ внезапно съ той стороны мнѣ показался человѣкъ; тогда я отступилъ отъ окна и сталъ звать къ себѣ на помощь, но помощи ниоткуда не было. Люди, видѣнные мною, отступили отъ двери, и слышу, какъ между собою говорятъ, что надо уходить, т. к. у нихъ теперь никакого инструмента не осталось: онъ переломалъ весь. Въ это время ко мнѣ подошла жена, принесла ковшъ холодной воды, которую я выпилъ, и начала успокаивать; она сняла съ меня совершенно мокрое бѣлье, постлала постель—мы легли спать. Гдѣ тутъ спать: я весь трясусь, какъ въ лихорадкѣ, жена взяла бутылку съ деревяннымъ масломъ и натерла мнѣ грудь, одѣла одѣяломъ. Не знаю, спалъ, нѣтъ ли, но только очнулся съ полнымъ ртомъ отъ пуха изъ прокушенной мною подушки: жена помогла мнѣ выбрать оставшійся во рту пухъ. Сталъ чувствовать себя очень плохо, думаю, не доживу до утра. Разказалъ женѣ, сколько кому долженъ, и сколько у меня осталось денегъ въ сберегательной кассѣ; она мнѣ сказала, что у нея на рукахъ осталось денегъ 11 р. съ копейками. Но тутъ снова услыхалъ крикъ

на улицѣ, говорю женѣ: „слушай, опять идутъ“. Она отрицаетъ, а я ясно слышу, что одинъ другого спрашиваетъ: „сейчасъ выпьемъ, или послѣ“? А другой въ отвѣтъ: „нужно покончить съ нимъ, а потомъ выпьемъ“. Услыхавъ и увидѣвъ, что они влѣзли на чердакъ и стали открывать потолочину надъ печкой, я вскочилъ, взялъ топоръ и бросился на лежанку къ отверстию; долго моталъ топоромъ, не давая имъ влѣзати, какъ вдругъ почувствовалъ, что изъ подъ лежанки меня начинаютъ опять колоть бинжаломъ. Я въ это время соскакиваю съ лежанки на полъ, схватилъ косу и начинаю защищаться ею отъ лицъ, которыя валяютъ разный скарбъ съ подволки прямо на меня. Ко мнѣ подошла жена и начала уговаривать, чтобы я не беспокоился, такъ какъ тамъ ничего нѣтъ; я же ей говорю, что развѣ ты не слышишь или не видишь, когда потолочина выломана и все валится на меня. Въ это время я снова услышалъ разговоръ, что надо скорѣе покончить съ нимъ, а *„она поставитъ намъ самоваръ“*. Тутъ я съ косою набросился на жену, крича: „ты все это знала, только мнѣ не говорила“. Жена набросилась на меня, а я, *дабы не задержать самого себя и чтобы не ворвались видныя мною люди*, схватилъ дровокольный топоръ, который лежалъ на сундукѣ, и ударилъ имъ жену прямо въ лобъ; она упала на неубранную постель вверхъ лицомъ. Самъ опять бросился къ потолочному отверстию. Мальчикъ находился въ это время около матери. Чѣмъ и какъ я его ударилъ, не помню... И сколько бился я около этого отверстия, тоже не знаю: выбился изъ силъ, бѣлье на мнѣ сдѣлалось все мокрое. Съ косою, которая находилась у меня въ рукахъ, я бросился по направленію къ разбитому окну, вышибъ ногою раму, вскочилъ на дворъ и побѣжалъ къ лѣсу.

Вижу, эти люди соскакиваютъ съ подволки и бѣгутъ за мной. Коса задѣвая за кусты, мѣшала мнѣ бѣжать я ее бросилъ. Люди, которые гнались за мною, кричали: „онъ теперь убѣжитъ, онъ мѣсторасположеніе знаетъ“. Спрятался я подъ кустъ; около меня собаченка, которая вѣроятно прибѣжала со мной; боясь, чтобы она меня не выдала, я опять вскочилъ и побѣжалъ. Долго ли я бѣжалъ—не знаю, но бѣжалъ по направленію къ сосѣднему хутору. Пришлось бѣжать черезъ оврагъ; силы мои какъ видно истощились, такъ что я дальше не могъ

бѣжать, а они меня догоняютъ и, слышно, говорятъ: „теперь онъ отъ насъ не уйдетъ, сдается“. Вижу, зашли на другую сторону дороги со словами „давайте выпьемъ“, а одинъ изъ нихъ заявляетъ: „мы его здѣсь бить не будемъ, такъ какъ перепачкаемся въ крови, лучше унесемъ на хуторъ“. Собравшись съ духомъ, я машинально вскочилъ и пустился бѣжать по опушкѣ лѣса; на краю лѣса закричалъ о помощи; крикъ мой услышалъ сосѣдъ хуторянинъ, который въ это время спалъ въ сараѣ; онъ выбѣжалъ ко мнѣ и спросилъ, въ чемъ дѣло; я ему объяснилъ, что на меня напали 5 человѣкъ; изъ которыхъ я узналъ своего старшаго сына и однодеревенца. Взошли мы къ нему въ домъ; я объяснилъ, что жена моя убита, убилъ я ее самъ потому, что она все знала, а мнѣ ничего не сказывала, потомъ я его сталъ звать ко мнѣ на хуторъ; онъ на хуторъ итти отказался, а позвалъ меня въ деревню. Прийдя въ деревню, мы собрали нѣсколько человѣкъ мужиковъ—было уже свѣтло—и всѣ отправились на хуторъ. Одинъ изъ крестьянъ взялъ револьверъ: когда подошли къ хутору, онъ сдѣлалъ выстрѣлъ. Подошли къ дому; дверь избы оказалась запертой; я влѣзъ черезъ разбитое окно въ избу, отперъ двери, впустилъ мужиковъ и первымъ дѣломъ показалъ имъ потолочину, которая была вынута, но на этомъ мѣстѣ дыры въ потолочинѣ никакой не оказалось, какъ одинаково ничего сброшеннаго съ подволоки тоже не оказалось. Я сказалъ мужикамъ: „видите, они все уже убрали“, но послѣдніе мнѣ отвѣтили, что здѣсь ничего и никого не было, „это все тебѣ казалось съ вина“. Мнѣ припомнилось, что дома долженъ быть меньшей сынъ, но его не было, а жена лежала въ это время среди пола на постели со слабыми признаками жизни. Я переодѣлъ другое бѣлье, такъ какъ бывшее на мнѣ совершенно продралось отъ задѣванія за кусты во время моего укрывательства въ лѣсу отъ лицъ, преслѣдовавшихъ меня. Я попросилъ мужиковъ съѣздить за докторомъ, чтобы подать медицинскую помощь моей женѣ, но они наотрѣзъ отказались, такъ какъ нужно косить, время рабочее. Тогда я пошелъ къ уряднику заявить о случившемся нападеніи на мой хуторъ. Подхожу къ лѣсу ко мнѣ опять выходятъ эти люди. Я какъ только увидѣлъ ихъ, бросился обратно бѣжать въ деревню, крича по дорогѣ о помощи. Прибѣжавъ въ деревню, я засталъ нѣкоторыхъ мужиковъ еще не

ушедшими на работу и объяснилъ имъ, что люди, которые были у меня на хуторѣ, находятся сейчасъ въ лѣсу; просилъ о содѣйствіи и поимкѣ злодѣевъ, попросилъ дать мнѣ провожатыхъ; для чего и было отряжено 5 человекъ. Подходимъ съ этими мужиками къ лѣсу, я опять увидѣлъ преслѣдующихъ меня и говорю: „вотъ они“; хотя сопровождавшіе меня и не повѣрили, но все таки вооружились палками, и я благодаря охранѣ прошелъ этотъ лѣсъ въ безопасности. Прийдя къ уряднику, я объяснилъ, какъ было дѣло; урядникъ меня арестовалъ при волостномъ правленіи, а самъ отправился для разслѣдованія дѣла на хуторъ. Находясь въ арестанской волостно-го правленія, я вновь услышалъ разговоръ тѣхъ самыхъ людей, которые меня преслѣдовали: они рассказываютъ сторожу, что случилось на моемъ хуторѣ. Такъ какъ эти люди ни на минуту не покидали меня своими преслѣдованіями, грозя зарѣзать, то я очень боялся остаться ночевать въ арестантской, а потому и просилъ товарища побыть со мной ночь, покараулить, за что отдалъ ему свои валенные сапоги. Вечеромъ вижу, что одна изъ потолочинъ камеры, въ которой я содержусь, тоже открыта, и мнѣ опять кажутся тѣ же самыя лица—одинъ съ ножомъ въ рукахъ; другой ему и говоритъ: „вали прямо въ сердцѣ“; а еще одинъ—съ какой то машинкой: чувствую будто бы качаетъ изъ меня кровь. Я закричалъ товарищу о помощи, послѣдній успокоилъ меня, предлагая спать, но спать я не могъ. По утру я о происшествіи въ арестантской заявилъ старшинѣ и писарю, которые мнѣ отвѣтили, что это „бредъ съ вина“. Въ этотъ день, т. е. 25-го іюля, особенно ночью, я видѣлъ, что открылась и другая потолочина; тѣ же люди говорятъ между собою: „мы его рѣзать не будемъ, а изведемъ кровью“, и начинаютъ качать изъ меня кровь со счетомъ до 30. Я слышу, какъ считаютъ—1, 2, 3... 30 и сливаютъ кровь въ ведро; слышу, какъ она, сливаясь, булькаетъ; удивляются, откуда у меня такъ много крови: „никакъ не можемъ его ослабить“. 26-го пришелъ урядникъ, я и ему заявилъ о моихъ мученіяхъ, но урядникъ и полицейскіе сказали, что я „сошелъ съ ума“. Меня отправили къ становому приставу. Сопровождали меня сотскій и крестьянинъ однопореченецъ, одинъ изъ участниковъ нападеній на меня. Дорогой онъ шелъ сзади меня и все шепталъ: „я не доведу тебя до пристава, а убью дорогой этимъ же топоромъ,

которымъ ты убилъ свою жену“. Недоходя до пристава версты полуторы я увидѣлъ по тѣни, что онъ дѣйствительно намѣревается ударить меня топоромъ, я съ крикомъ бросился впередъ. У пристава меня посадили въ арестантскую. Во время ночи съ 26 на 27 іюля мнѣ продолжалъ казаться тотъ же однопоревенецъ съ топоромъ въ рукахъ; всѣ эти явленія сопровождались криками. Потомъ я услышалъ крикъ, что горимъ; я тоже въ свою очередь закричалъ, мнѣ объяснили, что никакого пожара нѣтъ, и никто не кричитъ, а поютъ пѣтухи. На слѣдующее утро 27-го іюля, меня препроводили въ гор. Ярославль въ распоряженіе г-на Судебнаго Слѣдователя. При допросѣ меня Судебнымъ Слѣдователемъ, я хорошенько не помню, что ему и показывалъ. Отъ Судебнаго Слѣдователя препроводили въ Полицейское Управленіе. Дорогой я просилъ провожатаго зайти въ трактиръ. Провожатый отнесся къ моей просьбѣ снисходительно: въ трактирѣ я выпилъ 2 сотки водки. Въ полицейскомъ Управленіи я пробылъ не болѣе часу, а потомъ былъ препровожденъ въ тюрьму. Вышеупомянутыя 2 сотки на меня такъ хорошо повліяли, что въ тюрьмѣ я первую ночь, хотя и плохо, но все-таки заснулъ. Послѣ сна, 28-го іюля, я началъ припоминать, что я натворилъ за все время моего пьянства. А уже съ 28-го іюля я совсѣмъ пришелъ въ себя, совершенно оправился. Думы о случившемся меня, конечно, теперь очень угнетаютъ“.

Такъ описываетъ испытуемый свое болѣзненное состояніе, продолжавшееся около недѣли.

За все время пребыванія испытуемаго въ Лечебницѣ, онъ спокоенъ, сознателенъ, хорошо оріентируется въ окружающемъ, ни на что не жалуется. Какихъ либо припадочныхъ состояній ни разу не было. Режима испытуемый ничѣмъ не нарушаетъ. Работаетъ усердно, ни съ кѣмъ не ссорится. Критически относится къ своему положенію: слѣдитъ за текущемъ временемъ, хорошо ведетъ счетъ, знаетъ молитвы. Очень сожалѣетъ, что случилось такое несчастіе, что онъ убилъ жену и ранилъ подростка сына. Видимо, откровенно старается передать, какъ было дѣло. Испытуемый сокрушенно заявляетъ, что относительно невѣрности жены, кромѣ приведенныхъ случаевъ, онъ никогда и не помышлялъ, „чтобы подозрѣвать ее съ кѣмъ нибудь въ связи, а тѣмъ болѣе съ роднымъ сыномъ“. Испытуемый груститъ о дѣтяхъ, о домѣ; печалится о своемъ

подсудномъ положеніи. Испытуемый въ настоящее время сознаетъ; что у него дѣйствительно была душевная болѣзнь: ему „спяна казалось и мерещилось“; однако, и теперь все-таки не можетъ еще отрѣшиться отъ мысли, что „хотя бы ктонибудь изъ громившихъ, какъ мнѣ казалось, усадьбу лицъ былъ въ дѣйствительности“.

Разбираясь во всемъ вышеизложенномъ и сопоставляя данныя слѣдственного дѣла, свидѣтельскихъ показаній въ связи съ психо-физическимъ изслѣдованіемъ испытуемаго, въ связи съ данными анамнеза и клинической картины, излагаемой испытуемымъ о всѣхъ испытанныхъ имъ перипетіяхъ, какъ до, такъ и во время совершеннаго имъ преступленія, мы имѣемъ слѣдующее: въ началѣ марта 1912 года, а также въ началѣ и концѣ мая того же года, у испытуемаго каждый разъ наблюдались похожія другъ на друга измѣненія его психо-физической дѣятельности. Испытуемый послѣ довольно продолжительнаго злоупотребленія алкоголемъ, бросивъ пить, начинаетъ ощущать тоску, бессонницу, дрожаніе во всемъ тѣлѣ и особенно въ верхнихъ конечностяхъ: у него появлялись обманы органовъ чувствъ иллюзорно-галлюцинаторнаго характера. Послѣдніе очень кратковременны: въ 1-й и 2-й разъ они даже какъ бы мимолетны (особенно въ 1-й разъ), но съ яркой и бурной вспышкой—лишь въ 3-й разъ они продолжались нѣсколько часовъ. Черезъ нѣсколько дней субъектъ обыкновенно совершенно оправляется, принимается за работу, вслѣдъ до слѣдующаго болѣе или менѣе продолжительнаго злоупотребленія алкоголемъ, съ тѣмъ, чтобы, прервавъ послѣднее, вновь подвергнуться вліянію указанныхъ болѣзненныхъ явленій.

Съ половины іюля 1912 года испытуемый опять начинаетъ злоупотреблять алкоголемъ, дойдя въ двадцатыхъ числахъ іюля до максимума, по случаю престольнаго праздника. За два, за три дня до совершенія преступленія бросаетъ выпивку, у него также появляется бессонница, дрожаніе

въ конечностяхъ, обманы органовъ чувствъ; но все это при довольно интенсивной картинѣ наличности зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и др. иллюзій и галлюцинацій принимаетъ уже болѣе длительное теченіе; здѣсь же выплываютъ и болѣзненные воспріятія прежнихъ приступовъ, въ смыслѣ супружеской невѣрности жены съ его старшимъ сыномъ.

Испытуемый, такъ сказать, шагъ за шагомъ объясняетъ свои тяжелыя переживанія и въ ночь происшедшаго несчастія. Его сговариваются убить пришедшіе злодѣи всѣми способами и всѣми мѣрами; злодѣи ломаются въ дверь, тычатъ бинжалами изъподъ пола, разрушаютъ потолокъ. Испытуемый защищается до изнеможенія, и въ то время, когда жена начинаетъ его успокаивать, онъ какъ разъ слышитъ голоса злодѣевъ: „она намъ поставитъ самоваръ“. Тутъ то испытуемому стало понятно, что жена за одно съ ними: она пристаетъ съ угрозами, когда кругомъ такія угрозы, такая бѣда, когда жизнь испытуемаго въ полной опасности, надо защищаться отъ нападеній и вотъ, какъ выражается испытуемый, „дабы не задержать самого себя и чтобы не ворвались видимые имъ люди“—хватаетъ топоръ, убиваетъ жену, а за ней и сына подростка, чтобы только не мѣшали ему вполне защищаться отъ нападающихъ враговъ и такимъ образомъ сохранить свою жизнь. Убивъ жену и сына, онъ продолжаетъ воевать съ кажущимися злодѣями, пока въ страхѣ и изнеможеніи, разбивъ окно, выскакиваетъ изъ избы и бѣжитъ въ лѣсъ къ сосѣду. Однако, отъ преслѣдованій нигдѣ не видитъ покоя—ни по дорогѣ къ сосѣду, ни въ арестантской при правленіи, ни въ арестантской у пристава; на него, особенно по ночамъ, направляютъ ножи со словами: „мѣть прямо въ сердцѣ“, изъ него высасываютъ кровь машинками, онъ слышитъ, какъ выливаютъ его кровь въ ведро и т. д. и т. д.; и лишь послѣ выпитыхъ 2 сотокъ водки по дорогѣ въ тюрьму онъ, хоть и тревожно, но всетаки въ тюрьмѣ спитъ первую ночь. На другой

день постепенно сталъ чувствовать себя лучше, сталъ разумно и критически относиться ко всему бывшему въ теченіе 6—7 дней, своего рода кошмару, оказавшемуся однако столь тяжелымъ по своимъ трагическимъ послѣдствіямъ.

Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ наблюдается: многолѣтнее, по показаніямъ свидѣтелей и самого испытуемаго, злоупотребленіе послѣднимъ алкоголемъ; какъ выраженіе этого злоупотребленія, могутъ быть отмѣчены и нѣкоторыя физическія измѣненія у испытуемаго: ослабленіе иннерваціи лицевыхъ мышцъ въ области лѣваго п. facial. болѣзненность подъ 12-ымъ лѣвымъ ребромъ,—т. е. испытуемый, субъектъ—съ данными хроническаго алкоголизма. На почвѣ такового, при временномъ злоупотребленіи алкоголемъ, въ теченіи 4½ мѣсяцевъ до совершенія преступленія, у испытуемаго было 3 приступа безсонницы, дрожанія и, хотя очень кратковременныхъ, но обмановъ органовъ чувствъ; при чемъ, съ каждымъ разомъ эти приступы по тяжести и продолжительности психофизическихъ разстройствъ постепенно усиливаются: въ первый разъ это выражалось какъ бы лишь по преимуществу иллюзорно-зрительными воспріятіями, во второй—къ зрительнымъ воспріятіямъ прибавляются уже и слуховыя, а въ третій—и тѣ и другія, но уже продолжаютъ въ теченіе многихъ часовъ. Наконецъ, 4-й приступъ душевнаго заболѣванія у испытуемаго остро и грозно протекалъ въ теченіе недѣли, закончившись критически выздоровленіемъ испытуемаго съ наступленіемъ сна.

Съ психіатрической точки зрѣнія, клиническая картина душевной болѣзни испытуемаго, обнимающая собой и время преступленія, конечно, довольно ясна, какъ выраженіе бѣлой горячки: здѣсь на лицо кординальные признаки delir. trem.—безсонница, дрожаніе, обманы органовъ чувствъ, кратковременность теченія, а также не вполнѣ затемненное сознаніе и

послѣдующее довольно рельефное воспоминаніе о бывшихъ съ нимъ за это время болѣзненныхъ явленіяхъ.

Однако, этотъ *delir. trem.* тѣмъ не менѣе обращаетъ на себя вниманіе и нѣкоторыми особенностями, а именно: насколько при обычномъ *delir. trem.* характерную черту составляютъ галлюцинаціи въ видѣ множества однородныхъ, болѣею частью мелкихъ предметовъ, находящихся постоянно въ движеніи—массы мышей, таракановъ, толпы народа и пр., при чемъ слуховыя галлюцинаціи играютъ второстепенную роль, на столько въ разбираемомъ случаѣ на первый планъ выступаетъ одинаковая отчетливость, какъ зрительныхъ, такъ слуховыхъ и осязательныхъ галлюцинацій: онѣ взаимно другъ друга дополняютъ и образуютъ тѣсную комбинацію. Всѣ обманы органовъ чувствъ по своему содержанію почти цѣлкомъ состоятъ изъ стремленія всѣми способами причинить вредъ испытываемому: на него нападаютъ, хотятъ убить, зарѣзать, колятъ кинжалами, высасываютъ кровь, вообще всячески преслѣдуютъ.

Словомъ, въ разбираемомъ случаѣ *delir. trem.* является формой, какъ бы переходной къ затяжному бреду, т. е. тѣмъ, что нѣкоторыми авторами (*Сербскій* ¹⁾ и др.) выдѣляется, какъ подострая алкогольная параноія.

Въ такомъ состояніи испытываемый и совершилъ преступленіе, въ которомъ обвиняется, да отъ котораго и самъ не только не отказывается, но крайне скорбитъ о происшедшемъ.

Другая особенность даннаго случая та, что испытываемый, хотя и выздоровѣвшій отъ душевнаго разстройства, которое считаетъ самъ результатомъ злоупотребленія алкоголемъ, тѣмъ не менѣе еще и до сихъ поръ не можетъ полностью отрѣшиться отъ мысли, что громившія усадьбу и преслѣдовавшія его лица были въ дѣйствительности. Испытываемый критически

¹⁾ Судебная психопатологія. Москва 1900.

ощѣниваетъ всякаго рода слышавшіеся ему голоса, угрозы, казавшіеся кинжалы, выкачиваніе крови и пр., какъ проявленіе несомнѣнной болѣзни. Пережитый имъ калейдоскопъ обильныхъ обмановъ органовъ чувствъ въ связи съ содержаніемъ послѣднихъ, видимо, выражался очень рельефно и очень сильно запѣчатлѣвался въ болѣзненномъ сознаніи испытуемаго объ этомъ свидѣлствуютъ и довольно картинный рассказъ послѣдняго о душевномъ состояніи, бывшемъ у него въ то время, и наблюдаемое у испытуемаго какъ бы особое оживленіе при передачѣ описываемыхъ имъ событій. Испытуемый по поводу своего колеблющагося въ настоящее время убѣжденія относительно дѣйствительности нападавшихъ на него лицъ заявляетъ такъ: „кто-нибудь да былъ, вотъ съ испугу пьяная голова и пошла кругомъ“.

Словомъ, у испытуемаго уже по завершеніи болѣзненнаго процесса, при правильномъ отношеніи къ настоящему все же остается своего рода, бредовое толкованіе, хотя и довольно опредѣленной только части имъ пережитаго—это его убѣжденіе относительно преслѣдователей: „навѣрное кто-нибудь да былъ“,—т. е., въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о такъ называемомъ, резидуальномъ бредѣ послѣ перенесеннаго *delir. trem.*

Какъ извѣстно, это явленіе именно по преимуществу и наблюдается вслѣдъ за протекшимъ *delir. trem.*, хотя можетъ встрѣчаться и при другихъ психическихъ страданіяхъ, какъ это видно, напр. изъ работы д-ра *С. Л. Цетлина* ¹⁾. Послѣдній описываетъ резидуальный бредъ у субъекта, душевное разстройство котораго, въ виду нѣкоторыхъ особенностей проявленія, не считая возможнымъ діагностировать, какъ вульгарную параною, опредѣляетъ—*paranoia secundar.*

¹⁾ *С. Л. Цетлинъ*. Случай резидуального бреда.—Журналъ невропат. и псих. имени С. С. Корсакова. 1913 г. кн. 1.

Что же касается резидуальнаго бреда при *delir. trem.*, то въ статьѣ д-ра *Говстеева* ²⁾, гдѣ онъ, излагая свой случай, разбираетъ психологію этого состоянія, приводитъ и соотвѣтственную литературу иностранныхъ авторовъ по этому вопросу, какъ *Sander*, *Liermann* и др. Въ психологіи резидуальнаго бреда, по д-ру *Говстеву*, играетъ существенную роль чувство реальности, связанное съ пережитыми воспріятіями, отсюда послѣдующая живучесть послѣднихъ.

Такое явленіе должно отмѣтить и въ нашемъ случаѣ, гдѣ чувство рельефности пережитаго еще и по сейчасъ сказывается у испытуемаго при передачѣ имъ своего бывшаго бо-лѣзненнаго душевнаго состоянія. Существованію же у испытуемаго этого частичнаго дефекта критической способности, послѣ перенесеннаго психическаго расстройства, видимо, не мало способствуютъ наблюдаемыя у него нѣкоторыя измѣненія въ психо-нервномъ отношеніи, упомянутыя выше при описаніи клиническаго изслѣдованія испытуемаго за время пребыванія его въ Лечебницѣ. Испытуемый, сокрушаясь о случившемся несчастіи, тревожится о дѣтяхъ, объ оставшемся имуществѣ, о своемъ положеніи: онъ даже убылъ въ вѣсѣ; это съ одной стороны, а съ другой, у него отмѣчается суженіе поля зрѣнія, ослабленіе глоточнаго рефлекса,—словомъ, во всякомъ случаѣ, данныя истеріи. Все это, казалось бы, уже по существу можно считать достаточной почвой къ поддержанію у испытуемаго колебаній въ отношеніи полной критики сужденій о бывшей съ нимъ болѣзни.

Какъ извѣстно, злоупотребленіе алкоголемъ, особенно въ тѣхъ государствахъ, гдѣ послѣдній въ большомъ распространеніи, является однимъ изъ главныхъ факторовъ по отноше-

²⁾ А. А. Говстевъ. Психологія резидуальнаго бреда.—Современная психіатрія 1912. Сентябрь.

нію къ тѣмъ или другимъ преступленіямъ, совершаемымъ людьми, предающимися этому пороку: почти до 50% всѣхъ преступленій и проступковъ происходитъ подъ вліяніемъ спиртныхъ излишествъ. Но и въ судебно-психіатрическомъ отношеніи у лицъ испытуемыхъ измѣненіе душевной дѣятельности въ связи съ злоупотребленіемъ алкоголемъ, а тѣмъ болѣе то или другое у нихъ формальное душевное расстройство на почвѣ хроническаго алкоголизма (патологическое опьяненіе, алкогольный трансъ, бѣлая горячка и всякаго рода затяжные алкогольные психозы), среди другихъ формъ психическаго расстройства тоже отмѣчаются въ довольно изрядномъ количествѣ. Такъ, въ Казанской Окружной Лечебницѣ за 1910 годъ изъ 59 испытуемыхъ, совершившихъ преступленіе въ состояніи того или другого душевнаго расстройства, на долю формальныхъ душевныхъ расстройствъ алкогольнаго характера падаетъ 10 случаевъ. За 1911-й годъ на 54 испытуемыхъ—8 случаевъ и за 1912 годъ на 64 испытуемыхъ приходится 14 случаевъ, т. е., въ 1910 году случаи алкогольнаго формальнаго душевнаго расстройства по отношенію къ формальнымъ душевнымъ расстройствамъ другихъ категорій составляютъ 16, 9%; въ 1911 году—14, 8% и въ 1912 году—21, 9%, что въ среднемъ за три года даетъ около 17, 9%. Однако изъ алкогольныхъ формъ душевнаго расстройства чуть ли не самымъ рѣдкимъ является бѣлая горячка: въ 1910 году изъ 10 случаевъ алкогольныхъ душевныхъ заболѣваній—delir. tremens не было ни одного; въ 1911 году изъ 8 случаевъ—delir. tremens былъ лишь одинъ; въ 1912 году изъ 14 случаевъ—delir. tremens—2; да и изъ этихъ трехъ случаевъ въ одномъ слѣдственный матеріалъ не отличался надлежащей полнотой, въ другомъ—дѣло затемнялось крайней неоткровенностью самого испытуемаго, и только одинъ случай былъ вполне яснымъ

Въ виду такимъ образомъ довольно не часто наблюдаемаго *delir. trem.* въ числѣ алкогольныхъ формъ душевнаго разстройства у испытуемыхъ, а также въ виду откровеннаго со стороны испытуемаго изложенія обстоятельствъ преступленія, совершеннаго въ связи съ болѣзненнымъ измѣненіемъ его психики въ это время, я и позволилъ себѣ доложить глубокоуважаемому Обществу данный случай.
